

Юлия Беринг

МГРУШКА
ЖЕСТОКОГО НАСЛЕДНИКА

Я слышу все твои грязные мысли!

Юлия Беринг

Игрушка жестокого наследника. Я слышу все твои грязные мысли!

<https://litres.ru/74687979>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я поступила в элитную медицинскую академию по стипендии. Никто не знает моего секрета: я слышу чужие мысли и чувствую эмоции так остро, что они причиняют боль.

Но Артём Вольский, жестокий сын декана, быстро раскрывает мой дар.

Он обвиняет меня в плагиате, унижает перед студентами и превращает в инструмент своих опасных исследований.

Чем сильнее я сопротивляюсь, тем страшнее становится игра.

За стенами академии скрывается система, которая хочет распоряжаться человеческим сознанием.

Чтобы выжить, мне придётся научиться управлять силой, способной разрушить чужой разум.

И решить, кому доверить сердце: человеку, желающему владеть мной, или тому, кто готов остаться рядом без приказов и без страха.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юлия Беринг

Игрушка жестокого наследника. Я слышу все твои грязные мысли!

Глава 1

Сентябрь пах не книгами и свежей краской, как в школах из фильмов. Он пах антисептиком, старым линолеумом и чужой тревогой.

Я стояла у главных ворот Академии имени Вирхова, сжимая ручку чемодана так, что костяшки побелели. Мне девятнадцать. Я выиграла стипендию на медицинский факультет, обойдя сотни детей элиты. Это был мой шанс. Мой чистый лист.

Но стоило мне переступить порог холла, как мир рухнул под тяжестью чужих голов.

Это называли «тихим голосом». Научное сообщество — редким нейробиологическим аномальным отклонением. Для меня это было проклятием. Каждая сильная эмоция другого человека била меня по вискам, как молоток. Радость звучала как звон стекла, страх — как скрежет металла, за-

висть — как ледяная игла, входящая прямо в мозг.

Коридор первого этажа превратился в аквариум с хищными рыбами. Первокурсники толкались, смеялись, хвастались новыми айфонами и кредитными картами родителей. Их мысли гудели единым роем: «Где моя аудитория?», «Этот дурак занял мое место», «Мама обещала машину, если я буду первым».

Боль нарастала. За глазами будто закипала вода. Я прижала ладони к вискам, пытаюсь дыхательной техникой создать барьер. Вдох на четыре счета. Выдох на восемь. Ты стена. Ты камень. Тебе больно не должно быть.

Протискиваясь сквозь поток тел, я тащила чемодан ближе к стене; папку зажала под мышкой. Нужно было просто дойти до аудитории №3. Не смотреть в глаза. Не реагировать. Быть невидимкой.

— Прости, — пробормотала я, пытаюсь проскользнуть между двумя парнями в белых халатах.

Они даже не убрали ноги. Я споткнулась, и моя папка с личным делом, которую я бережно несла весь путь, выскользнула из рук. Листы разлетелись по полу, смешавшись с грязными следами после дождя.

— Ой, аккуратнее, крыска! — раздался сладкий, почти мурлыкающий голос.

Я подняла голову. Передо мной стояла девушка с идеальной укладкой и улыбкой, которая не достигала глаз. Виктория Орлова. Дочь ректора. Та самая, чью фамилию носили

три корпуса академии.

Она специально наступила на верхний лист моей анкеты каблуком туфли-лодочки, вдавив его в мокрый пол.

— Извини, я не заметила, — сказала она, но её глаза скользили по мне оценивающе, словно я была насекомым под увеличительным стеклом. — Хотя... такие вещи сложно не заметить. Стипендиаты всегда такие... нервные.

Рядом с ней хихикнули две подруги. Их мысли были прозрачны и остроконечны: «Фу, запах дешевым дезодорантом», «Думаешь, ей дадут практику?».

Злость вспыхнула во мне ярким огнем. Я чувствовала, как мой дар начинает резонировать с их высокомерием, грозя вырваться наружу неконтролируемым потоком боли. Если они почувствуют это давление, они поймут, что со мной что-то не так. А «не так» здесь означало смерть карьеры.

Я медленно присела, собирая документы. Пальцы дрожали.

— Ничего страшного, — произнесла я ровно, избегая зрительного контакта. Стратегия «невидимки». Игнорировать. Выжить.

Вика фыркнула, отвернулась и пошла дальше, оставив за собой шлейф дорогого парфюма и чужого презрения. Я выпрямилась, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Один шаг. Всего один шаг отделял меня от спасения.

Аудитория №3 была заполнена до отказа. Белый свет ламп бил по глазам. Я выбрала последнее свободное место у окна,

в дальнейшем ряду. Здесь тише. Меньше людей. Меньше шума.

Я села, доставая блокнот. Попыталась сосредоточиться на конспекте подготовительного курса, который держала в уме как якорь. Но тут кто-то повернулся.

Не просто посмотрел. Повернулся всем корпусом.

Первый ряд. Центральный стул. Мужчина в идеально сидящем сером пиджаке поверх белой рубашки. Темные волосы аккуратно зачесаны назад. Лицо красивое, но холодное, как гранит. Артем Вольский. Староста курса. Сын декана. Тот, кого боялись все преподаватели.

Его глаза цвета стали встретились с моими. Они не были пустыми. Они были сканирующими. Как рентген. Как скальпель, который знает, где находится нерв.

Мой пульс сорвался. Я отвела взгляд, уставившись в окно. Он смотрит. Чего он добивается?

Шум в голове усилился. Чужие ожидания, страхи перед экзаменами, желание понравиться этому мальчику из высшего света — всё это обрушилось на меня волной тошноты. Я закрыла глаза, делая глубокий вдох. Ты не здесь. Ты нигде. Ты только тело.

Дверь открылась. Вошел профессор Громов, старый методист с лицом, изборожденным морщинами скупого времени.

— Семестр начинается сегодня, — его голос гулко разнесся по залу. — Тема нашего исследования: «Психосоматические маркеры тревожности у студентов первого года обучения». Кто готов представить тезисы?

Я выпрямила спину. Это была моя тема. Я знала её лучше всех. Я собирала данные полгода, работая в ночную смену в городской больнице. У меня был план. У меня была защита. Если я выступлю первой, я закреплю свой статус. Я стану той, кого нельзя тронуть.

Профессор обвел взглядом класс. Тишина стала вязкой.

И тогда Артем поднял руку.

Не спрашивая разрешения. Не вставая. Просто поднял указательный палец.

— Профессор, — его голос был низким, бархатным и опасным. — Прежде чем мы перейдем к новым данным, не могли бы мы уточнить методологию прошлого года? Мне кажется, есть несоответствие в выборке группы Б.

Громов поморщился.

— Вольский, это вводная лекция. Мы обсудим методологию позже.

— Но если база искажена, то и новые выводы будут неверны, — Артем не опускал руки. Его глаза снова нашли меня. Я почувствовала физический удар, как будто он плюнул мне в лицо словами. — Например, если кто-то использует данные, которые технически невозможно получить в одиночку, без доступа к закрытым архивам клиники.

Сердце пропустило удар.

Он знает.

Нет. Это не может быть правдой. Я сдавала работу через анонимный портал. Никаких имен. Никаких связей. Откуда

он знает?

— Алиса Кравец, — продолжил Артем, произнося мою фамилию так, будто она имела дурной вкус. — Вы ведь тот самый стипендиат, который вчера опубликовал предварительные результаты в сети? Странное совпадение, что ваша работа идеально ложится в контекст сегодняшней темы. Слишком идеально. Будто скопировано.

В зале началось шептание. Головы повернулись ко мне.

«Плагият?», «Стипендиатка?», «Артем сказал... значит, правда».

Шум чужих сомнений стал оглушающим. Каждая мысль была гвоздем, забиваемым в мои виски. Боль становилась невыносимой. Я видела, как Вика в третьем ряду ухмыляется, наслаждаясь представлением.

Я должна ответить. Должна объяснить. Должна доказать, что я не вор.

Я встала. Колени подкосились, но я удержалась.

— Моя работа основана на открытых источниках и личном клиническом опыте, — мой голос дрогнул, но я заставила себя говорить громче. — Никакого плагиата. Проверьте цитирование.

Артем усмехнулся. Холодно. Жестоко.

— Цитирование — это формальность, Алиса. Важна суть. А суть твоей работы поверхностна. Копия. Плохая копия оригинала, который, возможно, никогда не существовал. Или существовал в голове кого-то другого.

Он сделал паузу, позволяя этим словам осесть в воздухе тяжелым свинцом.

— Вы слишком уверены в себе для новичка. Это подозрительно.

Профессор вздохнул, глядя на часы.

— Хватит, Вольский. Садись. Алиса, присаживайтесь. Обсудим после пары.

Я села. Мир качнулся. Я не могла дышать. Воздух в аудитории закончился, сменившись запахом страха и унижения.

Все смотрели на меня. Не с интересом. С жалостью. С презрением.

Я провалилась. Ещё не начав.

Когда пара закончилась, я кое-как сгребла вещи и выскочила из аудитории. Меня тошнило. Голова гудела, как оборванный высоковольтный провод.

Я бежала по коридору, свернув на лестницу, ведущую на третий этаж. Туалет. Там тихо. Там нет людей. Там я смогу прийти в себя.

Заперлась в кабинке. Села на холодный кафель, обхватив голову руками.

Никогда больше. Никогда больше сюда не вернусь. Уеду. Завтра же.

Щелчок замка.

Я замерла. Дверь кабинки не была заблокирована снаружи, но звук шагов в мужских ботинках приблизился. Шаги остановились прямо напротив моей двери.

Тишина стала звенящей.

— Знаешь, — раздался голос Артема. Тихий. Интимный. Почти нежный. — Ты очень плохо прячешься.

Глава 2

Я не ответила. Я прижалась спиной к стенке кабинки, ожидая удара. Или словесной пощечины.

Он дернул хлипкую дверцу; задвижка вылетела из разбитого гнезда, и дверь распахнулась.

Артем стоял там, засунув руки в карманы брюк. Он выглядел спокойно, уверенно. Как человек, который только что поставил мат.

— Вставай, — приказал он.

Я медленно поднялась, опираясь о стену. Ноги не слушались. Я вышла из кабинки, но он загнал меня в угол, между раковиной и дверью. Я чувствовала его запах — дорогой одеколон и что-то еще. Запах опасности.

Он наклонился, сокращая дистанцию до минимума. Его лицо было совсем близко. Я видела каждую черточку, каждый шрам на подбородке. Его глаза, эти проклятые сканирующие глаза, впились в мои.

— Ты думаешь, я не слышу тебя? — прошептал он так тихо, что я едва разобрала слова сквозь шум крови в ушах.

Я попыталась отшатнуться, но он перехватил меня за запястье. Крепко. Без грубости, но с железной хваткой.

— Алиса, — выдохнул он мне в губы. Его дыхание обожгло мою кожу. — Ты слишком громко думаешь, крыска.

Мир перевернулся.

Холод пробежал по позвоночнику, сильнее любого страха. Он знал. Он не подозревал. Он знал.

Мой секрет. Мой дар. То, что я скрывала всю жизнь, чтобы не стать подопытной мышью или сумасшедшей в клетке. Он знал это с первого дня. С первого взгляда.

— Что ты такое? — спросил он, и в его голосе не было насмешки. Только голод. Только понимание того, что он нашел игрушку, которую хотел.

Он отпустил мое запястье и сделал шаг назад, поправляя манжеты. Его лицо снова стало маской равнодушия.

— Жди меня завтра. И постарайся думать тише. А то я могу ошибочно принять твои мысли за просьбу о помощи.

Он развернулся и вышел, оставив меня одну в стерильной тишине туалета.

Я осела на пол, прижимая руки к груди. Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот выпрыгнет наружу.

Он не просто злодей. Он охотник.

И он уже видел меня насквозь.

Я посмотрела на свои дрожащие руки. В них не было оружия. Не было защиты.

Только знание того, что теперь я не одна в этом аду.

Я в ловушке.

В памяти снова мелькнул серый пиджак Артема. Красивый. Чистый. Идеальный.

Но теперь я понимала правду. Этот безупречный пиджак — не знак спокойствия и порядка.

Это скальпель. И он уже взял его в руки, готовясь вскрыть меня.

Лекционный зал пах формальдегидом и чужим страхом. Для меня это были два запаха, которые сливались в один душлистый коктейль. Я сидела на третьей парте слева, стиснув челюсти так, что зубы ныли. Воздух густел от ментального шума: сорок студентов перед анатомическим столом не просто волновались — они вибрировали от паники. Этот гул давил на барабанные перепонки изнутри, заставляя глаза слезиться, а руки мелко дрожать над блокнотом.

Я считала плитки на полу. Одна-две-три. Четыре-пять-шесть. Техника заземления, которую мне рекомендовали в детстве, когда мир становился слишком громким. Но сегодня она не работала. Потому что справа от меня сидел Артем.

Он даже не смотрел в мою сторону. Его пальцы лениво постукивали по столешнице, но я чувствовала каждое движение его мысли. Он «скрипел» мелом по доске прямо внутри моего виска. Холодный, режущий звук, который пробивался сквозь мои щиты, словно игла. Ты слышишь? — шептал он без слов. — Ты слышишь их всех?

Меня затошнило. Желудок свело спазмом, а зрение поплыло, размывая очертания скелета на демонстрационном стенде.

— Алиса, к столу, — голос преподавателя прозвучал как выстрел.

Я встала. Ноги стали ватными. Шум в зале мгновенно усилился до ревущего гула реактивного двигателя. Соседи по курсу уже начали шептаться, и каждый шепот ударял по нервам, как электрический разряд. Мне нужно было взять скальпель, чтобы показать технику вскрытия фасции. Пальцы отказывались слушаться. Сенсорные рецепторы перегружены, мозг требовал перезагрузки.

Я сделала вид, что уронила инструмент. Скальпель звякнул о металл стола, и я резко прижала ладони к ушам, имитируя неловкость и испуг, а не болезнь. На секунду тишина стала почти ощутимой, но только для меня.

— У тебя руки трясутся, как у наркомана, — раздался звонкий, высокомерный голос Вики. Она стояла напротив, уперев руки в бока, и её улыбка была острой, как хирургический нож. Вокруг неё сгустилось розовое облако самодовольства, которое я ненавидела всем своим существом.

Социальное унижение требует мгновенной реакции. Если я сейчас заплачу или замолчу, статус жертвы закрепится навсегда. Я выпрямилась, стряхнула воображаемую пыль с халата и посмотрела Вике прямо в глаза. Внутри всё кричало от боли, но снаружи я научилась быть каменной стеной.

— Это тремор профессионала, который держит жизнь в руках, а не игрушку, — мой голос звучал холодно, ровно. Ни единой ноты страха.

Вика фыркнула, но отвела взгляд. Блеф удался. Но цена была высока: виски пульсировали тупой болью, а Ар-

тем, оставшийся за партой, едва заметно усмехнулся. Он знал правду. И ему нравилось наблюдать, как я пытаюсь её скрыть.

После занятия толпа окружила меня. Не враждебно, но плотно, как стая стервятников.

— Что с тобой было? — спросил парень с четвертого курса. — Ты выглядела как будто вот-вот упадёшь в обморок.

— Может, перебрала кофеина? — предположил другой.

— Она всегда странная. Говорят, у неё нервный срыв был летом...

Изоляция нарастала. Страх быть объявленной сумасшедшей сковывал горло. Я не могла объяснить, что слышу их мысли, их инстинкты, их ложь. Я могла только молчать и терпеть давление чужого любопытства, которое ощущалось как физические тычки в плечи.

И тут случился спасительный хаос. Даня, тихий лаборант из подвала, проходил мимо с подносом пробирок. Его внутренний мир был абсолютно пустым — ни страхов, ни амбиций, только ровный, монотонный гул спокойствия. Как белый шум радиостанции между станциями.

Он задел подносом край стола. Звон стекла о пол разрезал гипноз толпы. Все обернулись. Даня не извинился, не поднял глаз. Он поставил поднос на стол, присел и смел осколки щеткой в совок. Затем достал из кармана чистую салфетку и протянул мне.

Его пальцы были холодными. Когда наши взгляды встре-

тились, я почувствовала, как напряжение в голове спадает. Его тишина была якорем. Я взяла салфетку, чувствуя, как впервые за день перестаю задыхаться.

— Спасибо, — выдохнула я.

Он кивнул и ушел, оставив за собой след абсолютного покоя. Толпа потеряла интерес, рассасываясь по коридорам. Но я знала: это не конец. Это только начало охоты.

Я рванула в туалет, пытаюсь прийти в себя. Холодная вода из крана немного остудила жар в щеках, но мигрень не отпускала. Я смотрела на своё отражение в зеркале: бледная, с темными кругами под глазами, как призрак.

Входная дверь распахнулась. Артем блокировал выход, прижав меня спиной к кафельной стене. Он не бил. Не орал. Он просто стоял слишком близко, и запах его одеколona — дорогой, древесный, властный — заполнял пространство.

— Ты слышишь их всех? — прошептал он мне на ухо. Каждый слог отдавался эхом в черепе. — Каждый страх, каждую ложь? Это не дар, крыска. Это твоя клетка. И ключ только у меня.

Я попыталась отвернуться, но он положил руку на мой затылок. Его пальцы чуть надавили на точку у основания черепа. Мир качнулся. Я увидела вспышку: как он может усиливать этот шум одним взглядом, превращая чужие мысли в пытку, или глушить их, оставляя меня в вакууме. Власть над моей биологией была абсолютной.

— Отпусти, — процедила я, но голос дрогнул.

Он улыбнулся уголками губ и отошел, оставив меня стоять у раковины, трясясь от бессилия и ярости.

Вечером я вернулась в общежитие. Мысли соседей по комнате проникали сквозь стены, как радиопередача с плохим сигналом. Девочки обсуждали вечеринку, сплетни обо мне, планы на выходные. Каждый смех отзывался острой болью в висках. Физическая потребность во сне боролась с ментальной атакой.

Я надела наушники с белым шумом, но это не помогало. Проблема была внутри головы, а не снаружи. Шум резонировал в костях черепа. В отчаянии я достала телефон. Я нашла Даню в общем чате лабораторного практикума. После сегодняшнего только ему я решилась написать.

«Твои мысли тихие. Почему?» — отправила я сообщение, надеясь, что это глупость.

Ответ пришел мгновенно. Будто он ждал этого вопроса весь день.

«Потому что я не думаю о себе. Я думаю о вещах».

Прежде чем я успела набрать следующий ответ, дверь комнаты открылась. Внутрь вошли Вика и две её подруги. Их присутствие наполнило воздух токсичным розовым туманом превосходства.

— Ректор сказал, что тебе нужна отдельная комната, — заявила Вика, оглядываясь с брезгливостью. — Твой «нервный срыв» мешает остальным учиться. Мы подали заявление. Ты переезжаешь. Сейчас.

Глава 3

Я хотела возразить. Хотела сказать, что это незаконно, что я не могу покинуть свое место без решения комиссии. Но в этот момент из коридора, через приоткрытую дверь, на меня лег тяжелый, оценивающий взгляд Артема. Он стоял там, прислонившись к стене, и наблюдал.

Резкая боль пронзила левый висок, словно кто-то вбил туда раскаленный гвоздь. Я открыла рот, но голос пропал. Голова кружилась, перед глазами поплыли темные пятна. Изоляция. Они буквально вырезали меня из социума, чтобы никто другой не мог получить доступ к моей тайне. Или чтобы я стала полностью зависимой от него.

Я молча кивнула. Вика удовлетворенно улыбнулась и хлопнула в ладоши: «Быстро соображаешь».

Новая комната находилась в крыле для персонала. Без окон. С одной койкой, столом и шкафом. Тишина здесь была полной, но она давила на уши сильнее любого шума. Плотная, вязкая, как вата.

На столе лежала сложенная записка. Почерк Артема — четкий, графический, без изъяснов.

«Привыкай к одиночеству. Оно безопаснее».

Я смяла бумагу, чувствуя, как к горлу подступает ком. Безопасность ценой свободы. Клетка с мягкими стенами.

В кармане халата вдруг завибрировал телефон. Экран

осветил мрачную комнату голубоватым светом. Уведомление от Дани.

«Мне сказали, куда тебя переселили. Я дежурю в лаборатории за соседней стеной. Если станет слишком тихо, постучи три раза. Я услышу».

Я замерла, глядя на эти слова. Потом перевела взгляд на гладкую бетонную стену. Медленно, осторожно, я подняла руку и трижды ударила костяшками пальцев.

Гулкий, глухой звук разнесся в пустоте.

И где-то совсем близко, по ту сторону стены, я почувствовала слабый отклик. Не мысли. Не слова. Просто присутствие. Кто-то был там. Кто-то слышал.

За первый месяц я научилась находить пустые коридоры, но не научилась терпеть Вику. На семинар я вошла в аудиторию №402 за десять минут до звонка, чувствуя себя генералом перед сражением. В руках — тубус с постером, в кармане — флешка с исходниками кода, а в голове — холодная ясность. Я знала, что моя гипотеза о «резонансной блокации» безупречна. Данные не лгут. Факты не имеют веса против имени, но я верила в науку больше, чем в политику академии.

Моего места у окна не было. На спинке стула висела дорогая сумка Вики, а на столе лежали распечатки. Я подошла ближе и сердце пропустило удар. Это были мои графики. Те же оси, те же кривые спада давления. Только подписи были другими: «Разработка группы под руководством студентки

В. Орловой».

Злость обожгла горло, но я проглотила её. Не здесь. Не так. Я переложила сумку Вики на соседний стол и поставила на освободившееся место свой тубус. Пальцами разгладила постер, прижала угол планшетом. Моё место. Мои графики. Работу не отдам ей вслед за ними. Руки не дрожали. Логика побеждала панику.

— Ты слишком старательная для такой мелкой рыбки, — раздался голос за спиной.

Вика стояла вплотную, пахла дорогим парфюмом и чужой уверенностью. Её улыбка была натянутой маской, но мой дар реагировал иначе. Боль от её агрессии ударила в виски, как раскаленный гвоздь. Она шепнула, наклонившись к моему уху:

— Мне нравится твой почерк. Жаль, что он будет выглядеть как копирка.

Я резко выпрямилась, развернулась и посмотрела ей прямо в глаза. Холодно. Без эмоций.

— Без моих черновиков у тебя не было бы доклада, — произнесла я четко. — Мои черновики датированы месяцем раньше твоей заявки. У меня есть метаданные файлов.

Вика лишь хмыкнула, но в её глазах мелькнуло раздражение. Она привыкла, что все либо боятся её отца, либо восхищаются её красотой. Моя ненависть была для неё новостью. Дверь распахнулась. Артем.

Он не сказал ни слова, но его присутствие физически при-

гнуло меня к земле. Воздух стал густым, тяжелым. Он прошел мимо, даже не глядя на мой стенд, и положил руку на плечо Вики, утверждая её статус лидера группы. От этого жеста внутри меня поднялась волна тошноты. Я стиснула зубы до скрипа эмали, делая вид, что проверяю маркер, хотя пальцы сводило от напряжения. Артем здесь не для оценки знаний. Он был контролером толпы. И он уже знал, чем закончится этот день.

Семинар начался. Преподаватель, старый профессор Иванов, который боялся гнева ректора больше, чем истины, дал слово Вике первой.

Она вышла к трибуне грациозно, как модель на показе. Слайды были красивыми. Слишком красивыми. Идеальная структура, безупречный дизайн. Но когда она начала говорить о методах расчета, я услышала пустоту. Там не было глубины. Была только оболочка моего проекта, вылизанная до блеска. Зал аплодировал вежливо, одобрительно. Они видели успех дочери ректора, а не кражу интеллектуальной собственности.

Я подняла руку. Голос сорвался на крик, но преподаватель демонстративно отвел взгляд, уставившись в свои заметки. Земля уходила из-под ног. Унижение можно было бы пережить, но здесь стирали меня целиком — при всех и без права на ответ.

— Следующий докладчик, — наконец выдавил Иванов, словно делая мне одолжение.

Я вышла к трибуне. Свет софитов бил в лицо, слепил. Я держала в руках свои реальные данные, настоящие расчеты, которые могли бы перевернуть весь курс. Я открыла рот, чтобы сказать первое слово, но микрофон молчал. Тишина стала оглушающей.

Я посмотрела в первый ряд. Артем сидел спокойно, листая телефон. Его большой палец скользил по экрану. Я поняла это мгновенно. Он глушил звук. Мой голос был для него просто шумом, который нужно убрать.

Я закричала. Перешла на визг, пытаясь пробить эту административную блокаду своим телом, своими связками. Я указывала пальцем на плагиат, орала цифры, цитаты, имена файлов. Но зал видел не ученую, доказывающую правоту. Зал видел истеричку. Девочку, которая не смогла справиться с конкуренцией и потеряла рассудок. Сокурсники переглядывались с жалостью и безразличностью.

Когда я замолчала, задыхаясь от собственного голоса, тишина стала приговором.

Вика подошла ко мне, когда я все еще стояла посреди аудитории, красная от стыда и злости. Она протянула салфетку. Я взяла её механически, руки тряслись.

— Спасибо за идею, крыска, — прошептала она.

Но я слышала не голос. Я слышала мысль. Прямое вторжение в разум, как эхо, отдающее в костях черепа: «Ты была хорошим черновиком. Теперь ты никто.»

Инстинкт убил рациональность. Я ударила её по руке. Рез-

ко, больно. Вика взвизгнула, отшатнулась, изображая испуг перед камерами наблюдения, которые висели в углах.

Артем встал. Один шаг. Он загораживал собой Вику, как щитом. Его глаза были темными колодцами, полными презрения.

— Успокойся, — приказал он тихо, но так, что слышал весь зал. — Или я вызову охрану.

Я не успокоилась. Я выбежала в коридор.

Кабинет декана был рядом. Я ворвалась туда, не постучав, держа в руках планшет с метаданными файлов. Декан слушал меня, его лицо оставалось непроницаемым камнем. Я говорила быстро, сбивчиво, приводя аргументы, даты, логику.

— ...это системное нарушение авторских прав! Вы должны проверить...

Декан поднял голову. Его взгляд скользнул за мое плечо. Я обернулась. Артем стоял в дверном проеме. Он не зашел внутрь. Он просто кивнул. Одно короткое движение подбородком.

Декан вздохнул, снимая очки.

— Твои методы работы... слишком агрессивны, Алиса. Мы ценим командную работу. А ты разрушаешь атмосферу. Иди.

Это был конец. Не потому что я проиграла спор. А потому что правда здесь не имела значения. Система работала как единый организм, и я была вирусом, который нужно удалить.

Я вышла из здания академии под проливным дождем. Холодные капли смешивались со слезами, стекая по лицу. Телефон в кармане завибрировал. Экран светился сквозь ткань. Сообщение от Дани.

«Он знает, что ты слышишь его мысли. И он знает, где спрятаны твои настоящие файлы. Беги.»

Отправитель: ДАНЯ.

Глава 4

Воздух в зале заседаний пах старой бумагой и чужим равнодушием. Я сидела на жестком стуле, чувствуя, как холодный металл впивается в лопатки, а пальцы непроизвольно сжимают край юбки до побеления костяшек. Передо мной — три члена комиссии по этике, уткнувшихся в свои планшеты, и он. Артем. Сидит сбоку, как наблюдатель от деканата, но его присутствие давит сильнее, чем физическая тяжесть этих троих стариков вместе взятых.

— Алиса Кравец, вы обвиняетесь в плагиате научной работы «Резонансная блокация», — голос секретаря монотонно, как метроном. — Предъявите доказательства вашей невиновности.

Я выпрямилась. Голос дрогнул, но я заставила себя говорить четко.

— Метаданные моих файлов. Они уникальны. Сервер академии фиксирует время создания каждого документа. Если мы сравним оригиналы...

— Оригиналы недоступны, — перебил меня секретарь, даже не подняв глаз. — Неделю назад был технический сбой сервера резервного копирования. Часть архива повреждена. Это форс-мажор, студентка Кравец. Локальные копии на вашем планшете мы видели. Без серверной отметки они не подтверждают дату: её можно изменить вручную.

Мир качнулся. Технический сбой. В ту неделю, когда я подала заявку. Идеальная случайность. Или идеальное убийство доказательств. Я посмотрела на Артема. Он не смотрел на меня. Он изучал свои ногти, аккуратно подпиленные, без единого заусенца. Его спокойствие было оглушающим.

— Следующий свидетель, — объявил председатель.

Вика вошла, как на подиум. Безупречная блузка, дорогая сумка, которую она бросила на стол с легким щелчком. Она улыбнулась мне так тепло, что у меня свело зубы.

— Я видела её, — сказала Вика, глядя прямо в глаза комиссии. — Три ночи подряд в библиотеке. Она копировала данные из моего открытого проекта. У неё была одержимость моими формулами. Можно сказать, зависть.

— Ложь! — крик вырвался раньше, чем я успела его проглотить. — У меня был график дежурства в лаборатории! Камеры это подтвердят!

Вика медленно достала телефон и положила экраном вверх на стол. На экране — скриншот системы видеонаблюдения. На нем девушка в моей серой куртке с капюшоном стоит у терминала в библиотечном крыле. Вика переслала кадр секретарю, и тот вывел его на экран комиссии. Время совпадало.

— Вот, — произнесла она мягко. — Это вы?

Я прищурилась. Изображение было зернистым, свет флуоресцентных ламп искажал цвета. Но если присмотреться... отражение в черном экране монитора показывало силуэт.

Лицо было скрыто, но плечи были шире моих. И куртка... та самая, которую я носила только в общежитии, потому что там было холодно. Кто-то надевал её на манекен или на кого-то другого. Но качество картинки было таким низким, что доказать это сейчас невозможно. Комиссия увидит просто девушку в похожей одежде.

— Это не я, — прошептала я. — Это подстава.

— Студентка Кравец, просим соблюдать тишину, — сухо сказал председатель.

Артем наконец поднял голову. Его глаза были темными озерами, в которых тонуло всё человеческое.

— Коллеги, — начал он, и его баритон резанул воздух. — Может, нам стоит обратить внимание на психическое состояние обвиняемой? Изоляция, странные реакции на шум, параноидальные идеи о слежке. Академия заботится о безопасности студентов. Не кажется ли вам, что её поведение диктуется нестабильностью, а не фактами?

И тогда это началось.

Ледяная игла в левый висок. Потом вторая. Давление нарастало, становясь физически ощутимым, как будто кто-то сжимал мой мозг в тисках. Я попыталась дышать, но воздух стал густым, как кисель. Мысли путались, рассыпались на осколки. Он делает это специально. Он ломает меня прямо здесь.

— Ты... манипулятор! — я сорвалась с места, стул с грохотом упал назад. — Ты знаешь! Ты всегда знал! Ты игра-

ешь в бога, потому что боишься, что кто-то сможет прочесть твою пустоту!

Тишина в зале стала абсолютной. Члены комиссии переглянулись. Вика прикрыла рот рукой, изображая ужас. Артем лишь чуть заметно усмехнулся, и боль в голове мгновенно исчезла, оставив после себя звон в ушах и тошноту.

— Протокол: истерика, угрозы представителю деканата, отказ следовать инструкциям, — зачитал секретарь. — Заседание закрыто. Вердикт будет вынесен через час.

Меня выставили в коридор. Тяжелые двери захлопнулись за спиной, отрезая от зала, где решалась моя судьба. Я осталась одна. Стены коридора казались приближающимися. Проходящие мимо студенты шептались, но для меня их шепот превращался в ревущий поток.

«Она точно плагиатор». «Слышал, она слышит мысли? Психованная». «Выгнали бы давно». «Жалко, такая симпатичная, а теперь клеймо».

Каждое слово било по вискам, как молоток. Боль нарастала, становясь невыносимой. Я прижалась лбом к холодной стене, пытаясь заблокировать этот шум, но стены академии сами были проводниками чужого сознания. Кровь потекла из носа. Теплая, металлическая на вкус. Я вытерла её платком, глядя на красное пятно на белой ткани. Мой дар. Проклятие, которое нельзя контролировать в стрессе. Именно этого они и ждали. Чтобы я сломалась сама.

Час тянулся вечностью. Когда дверь снова открылась,

охранник молча протянул мне лист бумаги.

«Отчисление по собственному желанию. Нарушение этического кодекса».

Ни слова об апелляции. Ни шанса. Просто печать и подпись ректора.

— Сбор вещей. Один час. Охрана сопровождает, — бросил охранник, даже не глядя на меня.

Комната в общежитии была опечатана. Мне разрешили взять только то, что уже лежало на столе: чемодан медицинских инструментов, который я собирала годами, и рюкзак с книгами. Никаких разговоров. Никаких объятий. Социальная смерть была завершена красиво и тихо.

Мы шли вниз на служебном лифте. Металлические двери отражали мое бледное лицо, искаженное тенями. Охранник стоял в углу, уставившись в потолок. Двери открылись, и я шагнула наружу, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Мир сузился до размеров одного чемодана и чувства абсолютного одиночества.

И тут лифт снова дернулся. Двери начали закрываться, но чья-то рука перехватила их, останавливая створки. Даня. В своем белом халате, поверх которого была натянута грязная рабочая куртка. Он выглядел испуганным, но глаза его горели решимостью, которой я никогда раньше не видела.

— Стойте, — сказал он охраннику, но тот лишь покачал головой и отошел в сторону, делая вид, что проверяет телефон.

Даня схватил меня за запястье. Его кожа была теплой, живой. И главное — тишина. Рядом с ним в моей голове не было шума. Только покой.

— Алиса, слушай меня внимательно, — прошептал он, наклоняясь ближе, чтобы его слов не услышал никто другой. — Я обслуживал проектор комиссии: ее снимок прошел через наш терминал. Тот скриншот Вики. Он сделан не в библиотеке. На снимке видно отражение витрины магазина напротив, а в библиотеке нет окон на улицу. Это лаборатория Артема. Полуподвальная секция, куда пускают только его.

Я замерла. Холод сковал мои внутренности.

— Зачем ему это нужно?

— Он не просто обвинил тебя, чтобы избавиться от конкурента. Он создал алиби для себя. Эксперименты над телепатами... они реальны. Он использует тебя как приманку. Показывает системе, что "неконтролируемые элементы" опасны, оправдывая свои методы контроля. А когда ты исчезнешь, он скажет, что это была профилактика угрозы.

Пазлы сложились. Не ошибка системы. Не злоба Вики ради самоутверждения. Все это было частью игры на выживание самого Артема. Возможно, он держал меня в клетке, чтобы другие хищники не добрались до меня. Возможно, берег для себя. Даня не мог знать наверняка — и я тоже.

— Ты должен уйти, — прошептала я, понимая, что он ставит под удар себя.

— Есть место, где нет ментального шума, — ответил Да-

ня, выпуская мою руку, но не отводя взгляда. — Там есть наука. И там есть выход. Если ты готова рискнуть всем, чтобы остаться собой.

Я посмотрела на закрытые двери лифта, ведущие обратно в мир, который отверг меня. Потом на Даню. Впервые за долгое время я почувствовала не давление, а опору.

Если Артем знает о моем даре, значит, он знает всё. Но теперь у меня было имя того, кто может помочь исчезнуть.

— Куда? — спросила я, подхватывая чемодан.

Даня кивнул на служебный выход, ведущий в темноту ночного города.

— В подвал библиотеки. Я выведу тебя во двор, а сам вернусь через пост. Пройди к задней двери общежития: оттуда есть техническая лестница. Там безопасно. Пока.

Он сунул в карман мой номер, записанный на клочке бумаги. Охранник уже шел к нам. Даня отпустил ручку моего чемодана, и я вышла одна.

Глава 5

Дождь лил так, будто небо решили вылить на землю вместе с моим прошлым. Холодные струи били по лицу, стекали за шиворот куртки, пропитывали джинсы до колен. Я стояла у задней стены общежития «Элита», глядя на пожарную лестницу, которая уходила в темноту второго этажа. Вход был закрыт на магнитный замок. Пропуск? Выброшен в мусорку вместе с карточкой студента. Ключ? От опечатанной комнаты он больше не помог бы.

Мне нужно было внутрь. Не для того, чтобы спать. Там, за этими стенами, шум будет оглушать меня всю ночь: мысли студентов о вечеринках, тревога перед экзаменами, злорадство тех, кто узнал о моем позоре. Но снаружи было хуже. Снаружи была пустота и физическая боль от голода и холода, которую дар не мог заглушить.

Шаги. Резкие, тяжелые. Фонарик ударил лучом мне в глаза, заставив зажмуриться.

— Эй! Ты что тут делаешь? — голос охранника был хриплым, сонным, но опасным. — Лезешь на частную территорию? Сейчас полицию вызову.

Я не ответила. Вместо этого я сделала то, чего никогда бы не сделала в здравом уме. Я позволила чужому страху коснуться своего разума. Охранник боялся опоздать на смену, боялся начальства, боялся неприятностей. Этот запах страха

был густым, маслянистым. Я схватила этот запах ртом, как кислородную маску, и развернула его против него самого.

Паника ударила в виски, мир поплыл. Я рухнула на мокрый бетон, хватаясь за горло, задыхаясь, хотя воздуха вокруг было полно. Тело само собой начало дрожать, имитируя приступ астмы или гипоксии. Это было грязно, это было унижение. Но работало.

Охранник метнулся ближе, свет фонарика запрыгал по моему лицу.

— Черт... Девчонка! Встать! Тебе плохо?

— Не могу дышать... — прохрипела я, чувствуя, как слезы смешиваются с дождем. Мне было стыдно, но я держала роль.

Он заколебался. Вызывать полицию из-за бродяжки, которая вот-вот потеряет сознание у его ног, — плохая новость для смены. Хорошая новость — помочь ей. Он достал телефон, набрал номер дежурного корпуса, а потом, чертыхнувшись, приложил карту к считывателю двери внизу лестницы.

— Быстро туда! Пока я не передумал. И если тебя там найдут без пропуска, сама будешь объяснять деканату, почему ты притворялась больной на пороге.

Дверь открылась. Я влетела внутрь, захлопнув ее за собой раньше, чем он успел сказать хоть слово. Сердце колотилось где-то в горле. Пальцы дрожали, но не от холода. От отвращения к себе.

Внутри было тепло, пахло дезинфекцией и старым ковро-

лином. Но тишины не было. Шум давил на черепную коробку гидравлическим прессом. Сотни мыслей, обрывки фраз, образы, эмоции — всё это орало одновременно. Сессия завтра. Кто видел новую блузку Вики? Артем опять всех построил. Голова болит. Хочу есть. Ненавижу его. Люблю его.

Шум был слишком громким. Ориентация терялась. Коридоры плыли перед глазами, стены казались живыми и пульсирующими. Я шла вслепую, спотыкаясь, пытаюсь найти источник покоя. И вдруг услышала его. Или скорее почувствовала отсутствие звука.

Где-то глубоко внизу, за пределами жилых этажей, была нота абсолютной тишины. Как вакуум в этом оркестре боли. Мой дар инстинктивно потянулся к ней, как цветок к солнцу. Я свернула в технический коридор, ведущий к подвалам библиотеки и лабораторных помещений.

Лифт не работал. Пришлось спускаться по лестнице. Чем ниже, тем тише становился внешний мир. Мысли студентов превращались в далекий гул, пока не исчезли совсем. Осталась только моя собственная боль, глухая и ноющая.

Дверь в подвал была приоткрыта. Из щели сочился тусклый желтоватый свет. Я толкнула дверь.

Внутри пахло старой бумагой, реагентами и чем-то еще — странным, свежим, как воздух после грозы. За столом, заваленным книгами и пробирками, сидел Даня. Лаборант из подвала. Тот самый тихий человек, чей разум я чувствовала с первых дней в академии как ровное, спокойное биение

сердца.

Он поднял голову, увидев меня. Его лицо исказилось не от удивления, а от резкого, почти животного испуга.

— Алиса? — шепотом спросил он. — Что ты здесь делаешь? Тебя выгнали. Артем сказал...

Он замолчал, оглядываясь на дверь, словно ожидая, что сейчас ворвется охрана.

— Я сам тебя позвал, но после того, как мы разошлись, Артем прислал запрет. Теперь уходи. У меня нет права пускать посторонних в научные помещения. Если узнают, меня уволят. А тебя... тебя могут забрать силой.

Я хотела ответить, но голос сорвался. Горло свело судорогой. Я не стала спорить. Не стала умолять. Просто села прямо на пол, прислонившись спиной к холодной стене рядом с дверью. Прижала ладони к вискам. И начала тихо стонать.

Это не было просьбой. Это была демонстрация поломки. Я показывала ему, что внутри этой головы происходит катастрофа, и ему некуда деться от этого зрелища, потому что он — единственный, кто видит реальность.

Даня замер. Его глаза расширились. Он смотрел на мои руки, сжимающие голову, и я видела, как меняется его выражение лица. Страх сменяется чем-то другим. Тревогой? Жалостью? Нет. Узнаванием.

— Почему ты здесь? — спросил он жестче, подходя ближе, но не касаясь меня. — Артем предупредил всех. Сказал, что ты опасна. Что твой дар вышел из-под контроля и ты мо-

жешь навредить людям.

Я подняла глаза. Взгляд был мутным, расфокусированным, но я постаралась сфокусироваться на нем. На единственном источнике тишины.

— Я не опасна, — прошептала я, и слова давались тяжело, каждый звук стоил усилий. — Я громкая. А ты... ты единственный, кто звучит как тишина.

Даня вздрогнул. Он отошел назад, будто получил пощечину.

— Громкая? Что это значит?

— Шум, — я указала пальцем на свою голову. — Мысли других. Они как статика на радио. Бьют по нервам. Артем знает это. Он использует это против меня. Но ты... ты молчишь. Внутри тебя ничего не орет.

Это было первое честное объяснение моего дара. До сих пор я скрывала это, называя головными болями или мигренями. Теперь я понимала механизм: сначала я слышу эмоциональный фон, хаос человеческих душ, а сквозь него прорываются слова. И Даня был антидотом.

Он долго молчал, переваривая информацию. Потом тяжело выдохнул.

— Заходи. Быстро.

Я попыталась встать. Но тело отказалось слушаться. Гипогликемия и стресс сделали свое дело. Голова закружилась так сильно, что мир перевернулся. Я пошатнулась, цепляясь за край стола, но пальцы соскользнули. Потянулась за кейсом

с медицинскими инструментами, который тащила с собой как последнюю ценность. Защелка зацепилась за край стола; крышка откинулась, кейс выскользнул из рук, и из верхнего отделения выпали ампулы.

Звон стекла.

Ампулы разбились об бетонный пол. Звук был резким, пронзительным, как игла, вонзенная прямо в барабанную перепонку. Меня замутило. Перед глазами поплыли пятна. Тошнота подкатила к горлу комком. Я осела на пол среди осколков, чувствуя себя жалкой, разбитой, как эти ампулы.

Даня не крикнул. Не побежал за аптечкой. Он просто присел рядом. Медленно, осторожно, чтобы не наступить на стекло.

Его рука легла мне на плечо.

Прикосновение через ткань куртки мгновенно отрезало меня от внешнего мира. Шум исчез. Боль в висках отступила, оставив лишь легкое головокружение. Мир сузился до точки касания его пальцев. Это было похоже на погружение в теплую ванну после долгих лет в ледяной воде. Тишина была такой глубокой, что я забыла дышать.

Но затем пришел стыд. Жгучий, невыносимый.

Я резко отдернула плечо, отползая назад, пока не упёрлась спиной в стену.

— Не трогай меня! — прошипела я, задыхаясь. — Ты тоже хочешь использовать мой дар? Хочешь проверить, как работает эта кнопка? Артем делает то же самое, только грубее!

Даня замер с протянутой рукой. Он не обиделся. Он посмотрел на свои пальцы, потом на меня. В его глазах не было ни желания власти, ни любопытства ученого. Только странная, тихая печаль.

Он медленно убрал руку. Но не встал. Не ушел.

На столе, в полутора метрах от меня, стоял стакан воды и кусок хлеба, завернутый в салфетку. Даня пододвинул их ближе к моей руке. Он поставил воду так, чтобы я достала её сама, и отодвинул руку. Не торопил. Даже хлеб не сунул мне в пальцы — оставил выбор мне.

— Ешь, — сказал он спокойно. — Ты бледная. И трясешься. Это не магия. Это сахар в крови падает.

Я смотрела на хлеб. Гордость мешала взять его. Но желудок уже скрутило от голода. Я взяла стакан, выпила воду маленькими глотками. Хлеб показался самым вкусным, что я ела в жизни.

— Почему ты спокоен? — спросила я, жуя, не поднимая глаз. — Откуда ты знаешь о состоянии людей? Ты обычный лаборант.

Даня положил подбородок на кулак, глядя на меня внимательно.

— Я не обычный. Я слышу то же, что и ты. Только слабее. У меня нет силы читать детали, я чувствую общий фон. Боль, радость, злоба. Как давление атмосферы.

Он сделал паузу.

— Я всегда знал, что ты отличаешься. В академии ты бы-

ла самой громкой точкой. Кричала так, что у меня начинала болеть голова. Но сегодня... сегодня ты стала тише. Потому что ты одна.

Это признание ударило меня сильнее, чем давление Артема. Даня не был случайным спасителем. Он не был святым. Он был таким же монстром, как и я. Но он выбрал путь служения, а не контроля. Он терпел мою боль с нашего знакомства, не жалуясь, не требуя ничего взамен. Значит, дело было не в случайном сочувствии. Рядом со мной ему тоже становилось больно — и всё-таки он остался.

— Зачем ты помогаешь мне? — спросила я.

— Потому что иначе ты сломаешься окончательно. А сломанные инструменты бесполезны даже в подвале.

Я опустила голову. Впервые за этот месяц я не чувствовала давления на виски. Впервые я могла думать ясно. Тишина в подвале была не просто отсутствием шума. Она была возможностью существовать.

И именно в этот момент, когда я наконец выдохнула, чувствуя, как напряжение отпускает мышцы, я заметила движение в углу.

Старый серверный шкаф, гудящий низким басом, освещался красным огоньком. Индикатор записи. Он мигал ровно, ритмично.

Кто-то включил микрофон ещё до того, как я спустилась. И запись уже шла.

Глава 6

Утром Даня нашел за серверным шкафом микрофон, выдернул кабель и показал мне адрес, на который уходила запись: деканат. Записи вчерашнего разговора мы стереть не могли. Он вынес мои вещи в свою комнату в общежитии рабочих, а я добилась у секретаря разового пропуска — якобы подать апелляцию.

Дверь кабинета декана была не просто деревянной преградой. Для меня она стала стеной из чужого страха. Я стояла в коридоре, прижавшись спиной к холодному кафелю, и чувствовала, как ноги наливаются свинцом. Не от усталости. От фантомного позора.

В голове гудело. Это был не мой голос. Это были мысли студентов, проходивших мимо: «Она здесь? Та самая плагиаторша?», «Артем опять её выгуливает?», «Убери этот шум, я хочу спать». Каждый из них бил по вискам, как молоток по наковальне. Мой дар — слышать боль других как физическое давление — сейчас работал против меня. Толпа создавала белый шум, который переходил в ревущий водопад.

Я закрыла глаза. Вспомнила слова Дани. Заземление.

Дрожащей рукой я схватила бутылку ледяной воды из сумки. Прижала пластик к левой стороне головы, прямо к пульсирующей артерии. Холод обжег кожу, но он перебил ментальный гам. На секунду стало тихо. Только моё сердце-

биение и скрип собственных зубов.

Шаг. Второй. Третий.

Ручка двери прохладная и гладкая. Я толкнула её внутрь, игнорируя тошноту, подступившую к горлу.

Кабинет был пуст. Дорогой дубовый стол, кожаные кресла, пахнущие пылью и деньгами. И серверная стойка в углу, мигающая зелеными огоньками. Система безопасности требовала биометрии старосты курса. У меня не было прав. Технически я здесь никто. Но психологически... Психологически я знала его лучше, чем кто-либо другой.

На рабочем компьютере остался открытым гостевой сеанс: текстовый редактор доступен, архив заблокирован. Я подошла к клавиатуре. Пальцы дрожали, но я заставила себя печатать. Медленно, аккуратно. Открыла текстовый документ.

«Я знаю, что ты смотришь. Мне нужна база данных по нейродегенерации. Я заплачу».

Это была приманка. Чистая провокация, рассчитанная на его эго. Артем любил игры, где правила устанавливал он. Если я буду ждать у моря погоды, он будет смотреться в монитор часами, наслаждаясь моим бессилием. Но если я брошу ему вызов напрямую... любопытство возьмет верх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.